

РУСЛАН СЕМЯШКИН

ПОДВИГ ЯРОСЛАВА ГАЛАНА

В то время, когда на Украине продолжается специальная военная операция по её демилитаризации и денацификации, а также освобождению и защите многострадального населения Донбасса от зверств укронацистов, вспомнить об этом мужественном и талантливом человеке, досконально знавшем омерзительное нутро “западенского” украинского национализма, не только уместно, но и целесообразно, так как Ярослав Галан, чей 120-летний юбилей со дня рождения пришёлся на 27 июля 2022 года, — за свои убеждения стал жертвой этих нелюдей, чьи потомки и идейные наследники совершают свои кровавые преступления и сегодня. Да и останавливаться, увы, не намерены.

Судьба распорядится так, что, открывая в то злополучное утро, 73 года назад, 24 октября 1949 года, входную дверь в квартире по улице Гвардейской, 10 и приглашая пришедших двух молодых людей в комнату, домработница Евстафия Довгун, по сути, приоткроеет для хозяина квартиры путь в бессмертие. Страшная расправа, когда оуновский палач нанесёт топором один за другим удары по голове писателя, который не раз смотрел смерти в глаза. Смотрел и не испытывал страха, даже после того, когда узнал подробности убийства осенью 1948 года протопресвитера Гавриила Костельника, инициатора прошедшего во Львове в марте 1946 года собора греко-католической церкви, принявшего решение о ликвидации Брестской унии и разрыве с Ватиканом, предчувствуя, что и его ждёт такая же участь. “... Следующая очередь моя!..” — внешне спокойно сказал он однажды своему собеседнику, прекрасно понимая, что националистическая свора приговорила и его к физическому уничтожению. Кажется, что Ярослав Галан осознанно и мужественно шёл навстречу своей кончине...

В тот последний день, после ухода жены — Марии Александровны Кротковой-Галан в филиал Музея имени В. И. Ленина, где она работала художницей, Ярослав Александрович работал в соседней с кабинетом комнате над статьёй “Величие освобождённого человека”, которую писал на русском языке. Она была посвящена старшему товарищу по писательскому труду — председателю Львовского облисполкома, будущему депутату Верховного Совета СССР Кузьме Николаевичу Пелехатому. Рассказывая о нём, писатель набрасывал заключительные строки статьи — его лебединой песни: “Исход битвы в западноукраинских областях решён, но битва продолжается. На этот раз — битва за урожай, за досрочное выполнение производственных планов, за дальнейший подъём культуры и науки. Трудности есть, иногда большие: много всякой швали путается ещё под ногами. Однако жизнь, чудесная советская жизнь победоносно шагает вперёд и рождает новые песни, новые легенды, в которых и львы, и боевая слава будут символизировать отныне только

одно — величие освобождённого человека”. Оставалось только перепечатать всё написанное на машинке...

К Ярославу Галану как известному писателю, общественному деятелю, депутату Львовского городского совета, человеку по натуре доброму и отзывчивому, всегда стремившемуся помогать людям, о чем они прекрасно знали и чем, безусловно, пользовались, попасть на квартиру было не трудно. Этим обстоятельством и воспользовались убийцы из националистического подполья. Кем они были и как действовали — доподлинно известно. Известно и то, что на Галана готовились покушения и ранее, последнее из них — 8 октября того же года, планировавшееся также на квартире писателя, не состоялось потому, что убийцы не рискнули осуществить свой замысел в присутствии немалого количества людей, бывших тогда там вместе с Ярославом Александровичем.

В этой же трагической истории присутствует ещё одна немаловажная особенность, раскрывающая истинное лицо преступников, их иезуитские методы. Один из убийц — Илларию Лукашевич, по кличке “Славко”, сын греко-католического священника, бывший воспитанник Львовской духовной семинарии, связанный с националистами с 1944 года, — в момент убийства отвлекавший писателя разговором, сумел незадолго до того часа втереться к нему в доверие. Сделал он это под видом студента Сельскохозяйственного института, пришедшего к депутату за помощью в переводе его в Лесотехнический институт. Легенда тогда сработала, Ярослав Александрович по данному обращению ходил просить за молодого человека во Львовский обком партии. В результате под видом благочестивого студента бандит стал известен домочадцам Галана.

Непосредственным убийцей был Михаил Стахур по кличке “Стефко”, член ОУН, студент Лесотехнического института, также связанный с греко-католическими священниками.

Подробности убийства писателя стали известны не сразу. Чекистам пришлось изрядно потрудиться, разматывая клубок этого преступления, потрясшего тогда не только жителей старинного Львова, но и всей Советской страны. Немаловажно отметить в этой связи и то обстоятельство, что убийцы и их заказчики были напрямую связаны с католической церковью, как известно, благословлявшей и поддерживавшей бандеровцев. Для греко-католического духовенства Галан был не просто нежелательным писателем-памфлетистом и советским общественным деятелем, — для них он был явным врагом. Не могли они ему простить целый ряд памфлетов, разоблачавших негативную роль профашистски настроенной униатской Церкви в борьбе за сознание простых граждан. “Отец тьмы и присные”, “Апостол предательства”, “Исшедшие из мрака”, “Сумерки чужих богов”, “С крестом или ножом?”, “Что такое уния”, “Довольно!” — красноречивые названия этих памфлетов, а ещё больше их содержание приводили клириков в бешенство. Да и как могли они не впадать в такое, по логике вещей, не свойственное священнослужителям состояние, если Галан разоблачал не только львовского митрополита Андрея Шептицкого, открыто поддержавшего, благословившего и молившегося в своей резиденции — соборе святого Юра — за Адольфа Гитлера, его армию и его украинских приспешников, но и весь католический мир во главе с Ватиканом. Как могли они примириться с такими словами писателя: “У Пия XII (Пий XII — Папа Римский с марта 1939-го по октябрь 1958 года. — Р. С.) 260 предшественников, история их жизни и деятельности — это история крови и позора. Даже в тумане раннего Средневековья мы не обнаружили такого государства, такой власти, которая бы настолько прославилась двоедушием, лицемерием, алчностью, продажностью, тайными и явными убийствами, грабежами и тёмными махинациями, как папская держава “божьих наместников”, — и простить их ему, вкупе с сатирическим произведением “Плюю на Папу!”?”

Дело Илларию Лукашевича и двух его родных братьев, а также бандита Тома Чмиля, не смогшего осуществить убийство писателя 8 октября 1949 года, слушал 3 и 4 января 1951 года военный трибунал Прикарпатского военного округа. На том суде слово дали и отцу братьев Лукашевичей, священнику греко-католической церкви, который цинично заявил, что националистические взгляды и враждебное отношение к Советской власти являются результатом его отцовского влияния. 15 марта 1951 года по приговору военного трибунала Прикарпатского военного округа братья Лукашевичи и Том Чмиль, после отклонения их просьб о помиловании, были расстреляны.

Недолго на свободе гулял и Стахур-”Стефко”. Свыше восьмисот трудящихся Львова и его окрестностей собрались 16 октября того же 1951 года в Доме культуры железнодорожников на открытый процесс военного трибунала Прикарпатского военного округа над этим палачом. Требование государственного обвинителя о смертной казни для убийцы собравшиеся в зале встретили аплодисментами. Через некоторое время террорист был повешен.

Со временем был пойман и посажен на скамью подсудимых и главный организатор убийства Ярослава Галана — проводник ОУН по кличке “Буй-Тур” Роман Щепанский. Под тяжестью предъявленных ему неопровержимых улик этот матёрый преступник и убийца на суде в своём последнем слове пытался каяться: “Суду известно, что я происхожу из семьи священника. С детства я воспитывался под влиянием пропаганды мракобесия Ватикана. ОУН же — это организация, не содержащая в себе ничего творческого. Под влиянием этого фанатизма я совершил множество злодеяний против украинского народа, против Советской власти, против своей родины. Я понимал, что значит убийство талантливого украинского писателя Ярослава Галана. Но это убийство я организовал, выполняя приказ своих главарей”. Запоздалые признания не могли разжалобить суд — расстрел стал заслуженным и справедливым возмездием. И всё же, самые влиятельные лица, те, кто были вдохновителями, а проще говоря, заказчиками убийства писателя, наказаны не были — не смогли советские правоохранительные органы достать бандеровских недобитков в Мюнхене и Лондоне, Нью-Йорке и Детройте, откуда они продолжали клеветать и оговаривать давно ушедшего в вечность Галана.

Подробно же называю имена и бандитские клички укронацистской нечисти, лишившей жизни видного сына украинского народа, патриота, коммуниста, борца с фашизмом, шовинизмом и национализмом, даровитого писателя, потому, что националистические, откровенно профашистские силы, о которых, начиная с 60-х годов прошлого века, в УССР стали забывать, в сегодняшней “незалежной” Украине вновь набрали вес и снова чинят кровавые расправы, причём не точечно, как это произошло в апреле 2015 года с талантливым писателем Олесем Бузиной, убитым возле своего дома в Киеве, а массово — что и показали последние события на Донбассе и особенно в Мариуполе. При всех президентах Украины националистические структуры чувствовали себя на территории страны вольготно и, что самое главное, безбоязненно, постепенно распространяя своё влияние даже в таких городах, как Киев и Одесса, всегда считавшихся межнациональными территориальными громадами, дружески настроенными к России и русским, до определённого времени составлявшим львиную долю их населения. Мягко скажем, не чинил им никаких препятствий и “пророссийский” президент Янукович, при котором они также находились в комфортных условиях и заседали в стенах парламента.

...Ярославу Александровичу Галану пришлось прожить до обидного мало — всего 47 лет, 3 месяца и 1 день. И жизнь его, что интересно, могла сложиться совсем по-другому. Будучи прирождённым интеллигентом, человеком образованным, он мог прожить сытой и спокойной жизнью галичанского обывателя.

Но такой спокойной жизни у него не было. Возможно, повлиял на его личностное формирование и мятежный дух отца Александра Михайловича, оказавшегося за своё неискоренимое русофильство в концлагере Талергоф. Сыграли свою роль и события Первой мировой войны — переезд оставшейся без кормильца семьи в Львов, а позже и в Ростов-на-Дону. Затем состоится знакомство с творчеством М. Горького, постижение революционных событий в России, свидетелем которых он стал, и приобщение к коммунистической идеологии, верность которой Галан пронесёт через всю свою короткую, но яркую жизнь.

По возвращении семьи в родные места и получения аттестата зрелости Ярослав поступает в Венский университет на отделение славянской филологии философского факультета, несколько позже, в 1926 году переводится в Краковский университет, где работает в прогрессивных студенческих организациях и начинает писать первые пьесы, а в 1924 году, находясь на каникулах в Перемышле, он вступает в ряды подпольной Коммунистической партии Западной Украины.

После окончания Краковского университета Галан начинает преподавательскую деятельность в украинской гимназии Луцка. А по прошествии лет он припомнит и то, что: “...уволители меня с должности профессора за коммунистическую деятельность, как опасного коммуниста и агитатора”.

Переехав во Львов, Ярослав Александрович всецело отдаётся литературной деятельности. Присоединившись к организации западноукраинских пролетарских писателей “Горно”, он работает также в редакции прогрессивного журнала “Окна”, в котором покажет себя не только талантливым новеллистом и драматургом, но и начнёт в его стенах славный путь революционного сатирика и памфлетиста. Печатаются и ставятся пьесы Галана “Груз”, “Вероника”, “99%”, “Ячейка”. Публикуется едкий памфлет “Последние дни Патагонии”, где в завуалированной форме он преподносит правду об авторитарном режиме в соседней Польше.

Став свидетелем разгрома польскими властями на Западной Украине всех прогрессивных изданий, писатель некоторое время живёт у родителей жены Анны Генык в Нижнем Берёзове. Но вскоре, по призыву ЦК КПЗУ, приезжает во Львов, где вместе с украинскими и польскими собратьями по перу в составе оргкомитета принимает участие в подготовке Антифашистского конгресса работников культуры, состоявшегося в мае 1936 года.

Пытаясь избежать репрессий за участие в данном конгрессе, Галан переезжает в Варшаву, где работает в газете “Dziennik popularny”. После же закрытия полицией и этого издания он оказывается вначале в варшавской, а затем и в львовской тюрьме.

В 1938 году, по возвращении из тюрьмы безработный Галан перебивает-ся за счёт переводов и игры на скрипке “на забавах”. А на печатание его произведений, чего и следовало ожидать, налагают запрет.

Осенью 1939 года Ярослав Галан переживает долгожданные и счастливые дни – западноукраинские земли наконец-таки воссоединяются с Советской Украиной. Начинается новый этап в его жизни. Работает он тогда в только что созданной газете “Свободная Украина”. С того памятного сентября и по май 1941 года писатель опубликовал более ста публицистических произведений, среди которых такие известные, как “Люди освобождённой земли”, “Под счастливой звездой”, “Директор фабрики за работой”, “Ударники транспорта”, “Найденное счастье” и др. В 1940 году талантливый публицист вступает в Союз писателей СССР. В послевоенные же годы Галан будет избираться как в Правление Союза писателей УССР, так и в состав президиума Львовского отделения писательского союза. Литературную деятельность писателю удаётся успешно совмещать с работой во Львовском драматическом театре, где он заведовал литературной частью.

Сообщение о начале войны застало Галана в Коктебеле в Доме творчества писателей и вынудило эвакуироваться в Казань, а позже в Уфу. А 29 октября 1941 года в дневнике он напишет: “Я подал заявление в армию. Правда, здоровья уже такого я не имею... Но что же ожидает мою жизнь после победы, если я буду пользоваться плодами крови и мучений других...” В действующую же армию писатель так и не попадёт, его боевое слово необходимо было на другом фронте – фронте пропагандистско-политической борьбы, где вместе с известной польской советской писательницей Вандой Василевской Галан сначала работает в московском журнале “Новые горизонты”, а в декабре 1941 года с редакцией газеты “Коммунист” переезжает в Саратов. В этом прифронтовом городе он начинает работать комментатором на украинской радиостанции имени Т. Г. Шевченко.

Свободно владея, помимо родного украинского, русским, польским, немецким, английским, итальянским языками, писатель нашёл своё место на фронте в эфире. Именно так – “Фронт в эфире” – назовёт он книгу радиорепортажей, вышедшую в 1943 году в Москве. В то же время он работал в газете “Советская Украина” и в группе журналистов при ЦК КП(б)У, базируясь в Москве, а позднее в небольшом городке Купянске, расположенном недалеко от Харькова, и в самом Харькове. В Купянске он выполнял также и обязанности комментатора прифронтовой радиостанции “Днепр”. В письме Марии Кротковой, ставшей позже его женой, Ярослав Александрович писал: “Работа моя славная, хорошая, и я делаю её как можно лучше, со всем задором моего беспокойного сердца. Я люблю эту бурю за то, что она наполнила меня той страстью, которая позволила мне жить ею и творить дела, которые, возможно, не сойдут со мной в могилу”.

С освобождением Львова в августе 1944 года писатель возвращается в этот ставший для него родным город. Ну, а после долгожданной Победы по направлению партийных органов Галан находился в зарубежной поездке по

частям Советской Армии – в Польше, Чехословакии, Германии, Австрии, Венгрии. Под впечатлением от увиденного там он напишет большой очерк “Они сражались за Львов” и статью “В Вене”.

В 1946 году с удостоверением специального корреспондента газеты “Советская Украина” писатель направляется в Нюрнберг на судебный процесс над гитлеровскими преступниками. Вместе с К. Фединым, Л. Леоновым, И. Эренбургом, В. Саяновым, Б. Полевым Ярослав Александрович принимает участие в освещении этого исторического судебного процесса. Нюрнбергские материалы спецкора Галана войдут в золотой фонд европейской антифашистской публицистики. Под впечатлением от увиденного и услышанного он начнёт работу над одной из лучших своих пьес – “Под золотым орлом”, рассказывающей о судьбе советских перемещенных лиц в западных зонах оккупации Германии.

Вместе с тем на Западной Украине бандеровцы продолжали свои кровавые вылазки. Понимая, что он рискует жизнью, Галан тем не менее продолжает непримиримую борьбу с этим откровенным злом, прятавшимся за разглагольствованиями о “великой и свободной Украине”. Не жалея красок для показа сути бандеровщины как жуткого явления, угрожающего мирной жизни советских граждан, один из самых яростных своих памфлетов – “Чему нет названия” – писатель начинает так:

“Четырнадцатилетняя девочка не может спокойно смотреть на мясо. <...> Несколько месяцев назад в воробьиную ночь к крестьянской хате недалеко от города Сарны пришли вооружённые люди и закололи ножами хозяев. Девочка расширенными от ужаса глазами смотрела на агонию своих родителей.

Один из бандитов приложил острие ножа к горлу ребёнка, но в последнюю минуту в его мозгу родилась новая идея.

“Живи во славу Степана Бандеры! А чтобы, чего доброго, не умерла с голоду, мы оставим тебе продукты. А ну, хлопцы, нарубите ей свинины!”

“Хлопцам” это предложение понравилось. Они постаскивали с полок тарелки и миски, и через несколько минут перед оцепеневшей от отчаяния девочкой выросла гора мяса из истекающих кровью тел её отца и матери!..”

Непримирим был писатель-трибун и к порокам в жизни советского общества. Он не терпел лжи, подлости, презирал рвачей, карьеристов, бюрократов, волокитчиков, паразитировавших “...на здоровом организме нашего социалистического государства”. Его голос и перо не проходили мимо таких явлений. В целом же он был переполнен планами и задумками, хотя трудностей, в том числе материальных и бытовых, у него также хватало. Жил энергично, каждодневно творя и созидая. Незадолго до смерти Галан официально связал свою жизнь и с Всесоюзной коммунистической партией (большевиков)..

В советские годы имя журналиста, писателя-антифашиста, драматурга, публициста, борца за счастье украинского народа в единой братской семье народов Советского Союза было достойным образом увековечено. В 1952 году за памфлеты из книги “Избранное” писатель посмертно был удостоен Сталинской премии второй степени. Львовский городской совет объявил его своим почётным гражданином. В самом же Львове именем писателя была названа площадь, областной музыкально-драматический театр, а также установлен памятник, и в квартире на улице Гвардейской открыт музей-квартира. Памятник Галану был установлен и в Дрогобыче...

Разумеется, ещё в начале 90-х годов прошлого столетия националистические власти Львовской области памятники снесли, площадь и театр переименовали, музей закрыли – имя писателя-трибуна для них всегда было и продолжает оставаться ненавистным, вызывающим жёлчь и злобу. До пресловутой декоммунизации, объявленной режимом Порошенко, наконец-таки в начале июня 2022 года сбегавшего в Лондон, улицы, носившие имя писателя, были в Киеве, Харькове, Одессе (в приморском городе её переименовали в улицу Романа Шухевича, операция по ликвидации которого как раз-таки и ускорила убийство Ярослава Александровича), Чернигове, Черкассах, Кривом Роге. В Саратове улице, носившей имя Галана, вернули историческое название. Нет стопроцентной уверенности, но вроде бы улицы, носящие имя писателя, продолжают существовать в Ростове-на-Дону, Донецке и Луганске.

Долгие годы на линии Москва – Уфа курсировал пассажирский пароход “Ярослав Галан”. Со временем, после выхода из строя он был списан.

Дважды, в 1954-м и 1974 годах жизненный путь Галана был экранизиро-

ван. В первом по времени выхода в свет фильме режиссёра, будущего народного артиста РСФСР Л. Лукова “Об этом забыть нельзя” в роли писателя (в фильме у него имя и фамилия изменены) снимался выдающийся мастер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии и будущий лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых, Герой Социалистического Труда Сергей Бондарчук. А актёр Владислав Дворжецкий, сыгравший Галана в фильме “До последней минуты” В. Исакова, за эту работу был удостоен Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко.

В 1964 году Союз журналистов УССР учредил премию имени Я. А. Галана за лучшие публицистические произведения. Трижды в советские годы выходили и именные почтовые конверты, посвящённые писателю-антифашисту. Книги писателя переиздавались, широко отмечались юбилейные даты, связанные с его жизнью, пьесы его шли в театрах Советской Украины, а также в Туле и Рязани, Мурманске и Кирове, Барнауле, Куйбышеве и Казани, Владивостоке и Южно-Сахалинске, в Белорусской, Молдавской, Латвийской, Эстонской, Грузинской, Казахской, Киргизской, Узбекской ССР, в дружественных тогда Болгарии и Румынии... Все эти добрые дела, к сожалению, остались в прошлом. В капиталистической, да к тому же бандеровской Украине имя писателя пребывает, по меньшей мере, не в почёте. Да и в России его почти не вспоминают.

Но вопреки многолетнему замалчиванию его имени со стороны властей Украины и подведомственных ей институтов, наперекор продолжающимся случаям осквернения его памяти воинствующими националистами, Ярослав Галан в сознании большинства здравомыслящих людей продолжает присутствовать. Его не забыли, а настоящие патриоты пытаются о нём и напомнить. Компартия Украины, ныне режимом Зеленского окончательно в стране запрещённая, ещё в 1995 году учредила премию имени Я. А. Галана. И первым её лауреатом стал известный украинский партийный, политический и общественный деятель, публицист, депутат ВС УССР, народный депутат СССР, народный депутат Украины III-IV созывов, многолетний член ЦК КПУ, возрождённой после её антиконституционного запрета в августе 1991 года, недавно покинувший этот мир Георгий Корнеевич Крючков. Лауреатами премии ЦК КПУ имени Я. А. Галана также стали известные в прогрессивной среде Украины аналитики, историки, писатели и публицисты: С. Лазунько, В. Наконечный (посмертно), В. Масловский (посмертно), Ф. Горелик, Б. Адамович, М. Бердник, П. Махнюк, В. Мазаров (посмертно), О. Росов, В. Сирияченко.

Хочется верить, что и на российских просторах, которые, думается, в ближайшее время пополнятся землями Донецкой и Луганской народных республик, Херсонщиной, Запорожской и другими областями, население которых желает быть вместе с Россией, — имя бесстрашного писателя-антифашиста, до последнего боровшегося с коричневой нечистью, не будет забыто.